

Сергей Арьков

Подземелье ужасов

16+

Сергей Александрович Арьков

Подземелье ужасов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48503612

SelfPub; 2019

Аннотация

Зомби-апокалипсис не для слабаков. Он для крутых перцев. А крутые перцы никогда не унывают. Даже если ожидаемое сокровище внезапно оборачивается кровавым кошмаром.

Содержание

1	4
2	12
3	25
4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

1

Вова был уверен, что у него все хорошо. И, что характерно, у него имелись веские причины думать подобным образом.

В самом деле, по нынешним временам требовалось не так уж и много, чтобы считать себя счастливым. Начать следовало хотя бы с того, что он все еще был жив. И здоров. И у него были друзья – хорошие люди, которые нравились ему, и он тоже нравился им, и это было прекрасно. Плюс, в качестве приятного бонуса, у него уже почти была девушка.

Почти, потому что девушка эта еще не была его. Она как бы находилась в процессе, в стадии перехода между ничейным состоянием и его собственностью. Но Вова чувствовал, что процесс этот близится к завершению, и не за горами тот день, когда почти его девушка станет его девушкой, и тогда он обретет всеобъемлющее счастье.

Вова уже месяц интенсивно ухаживал за Катей, своей новой, и, как ему казалось, теперь уже единственной любовью. По части ухаживаний он был не мастер. Ну не был он из той породы ловеласов, коим достаточно метнуть на красотку один томный взгляд, и девица уже падает в его объятия, готовая бежать с ним хоть на край света, хоть за край, хоть в ближайšie кусты. Чаще, конечно, выходило, что именно в кусты. Еще чаще кустами все и ограничивалось.

Нет, Вова был не таким. Он отличался робостью и застенчивостью в общении с противоположным полом, и в своей прошлой жизни никогда бы не осмелился подойти к такой потрясающей девушке, как Катя.

Но многое изменилось с той самой прошлой жизни. Хотя, казалось бы, с момента ее окончания прошло всего три месяца. Три месяца минуло с тех пор, как привычный мир сгорел в огне зомби-апокалипсиса, сгнил заживо, исчез навеки.

Вова старался не вспоминать события тех самых страшных первых дней. Старался, но получалось у него не всегда. Обычно те события являлись ему в ночных кошмарах, и тогда он просыпался в холодном поту, крича криком и взывая к маме. И ведь было из-за чего. Когда на твоих глазах обычные люди вдруг превращаются в чудовищ, и начинают заживо пожирать других людей, мало кто сумеет сохранить здравый рассудок.

Первые дни были самыми ужасными. Вова нахлебался таких кошмаров, и посмотрелся таких невероятных вещей, что какое-то время был уверен, что неминуемо сойдет с ума. Вид того, как люди едят людей, хватают, впиваются в них зубами, вырывают из их разодранных чрев кишки и пихают в свои рты, почти лишил его рассудка.

То, как он вырвался из поглощенного смертью города, Вова почти не помнил. Память сохранила какие-то разрозненные фрагменты, которые упорно не желали складываться в единое полотно. Вероятно, потому, что полотно это вышло

бы слишком чудовищным. Затем были дни блужданий, отчаяния, смертельно опасных ситуаций. Почти целый месяц он бродил по мертвому миру. Опасаясь приближаться к населенным пунктам, Вова почти не находил себе пропитания и сильно исхудал. Несколько раз он оказывался на волосок от смерти, когда зомби, заметив его, начинали преследование. Он бежал от них, бежал и плакал, а замогильный рев чудовищ звучал в его ушах.

Но ему улыбнулась удача. Он встретил группу людей. Добрых людей. И среди них была Катя.

Первый месяц Вова боялся даже смотреть в ее сторону. Ему казалось, что такая красивая и яркая девушка, такая веселая, жизнерадостная, не смотря на весь творящийся вокруг кошмар, никогда не заинтересуется им – нескладным, молчаливым, вечно угрюмым, не умеющим блеснуть ни отвагой, ни умом, ни красноречием. Но затем, в один прекрасный день, он подумал – какого черта? На дворе конец света, все они могут погибнуть в любой момент. А он, как последний дурак, боится подойти к девушке. В конце концов, она ведь не зомби, не укусит.

Он решил, что сделает так, как в кино, когда хронический неудачник, набравшись храбрости, подходит к возлюбленной, яростно признается ей в своих чувствах, и та, сраженная наповал, тут же отвечает ему взаимностью. Но вот прямо так, как в кино, у него не получилось. Он не подошел, не признался, и вообще ничего не предпринял, ограничив-

шись фантазиями эротического свойства. Инициативу проявила Катя. Как-то раз, когда они остановились на ночь на берегу реки, вдали от населенных пунктов, в относительно безопасном месте, где неоткуда было взяться зомби, она пошла к нему вечером, и предложила сходить искупаться. Поступившее предложение лишило Вову дара разумной речи. Он сидел на пеньке и тарачился на Катю, чисто как пеньек. Девушке пришлось трижды повторить свое предложение, прежде чем она добилась какой-то ответной реакции. Вова с огромным трудом вернул себе способность соображать, и кое-как промямлил непослушным языком, что с радостью составит ей компанию.

Их группа разбила лагерь на вершине холма, откуда открывался хороший обзор. Спустившись по крутому несчастному склону, они с Катей оказались у реки. Здесь обнаружилось удобное место для купания – кусок чистого песчаного пляжа, окаймленный с двух сторон густыми зарослями камыша. Солнце как раз опускалось за край горизонта, и весь мир был залит его красноватым светом.

Вова не знал, что ему делать, и больше всего боялся ляпнуть какую-нибудь глупость или сотворить что-то не то. Пока он лихорадочно соображал, Катя на его глазах разделась, оставшись в одном бикини, и побежала к воде. Пронаблюдав свою тайную любовь фактически неглиже, Вова едва не лишился всех признаков жизни до последнего. Как же она была прекрасна!

Катя вбежала в воду, и стала звать его к себе. Вова, словно зомби, пошел на ее зов, опустив руки вдоль тела и вытаращив перед собой взгляд остекленевших от похоти глаз. Так и вошел в воду, как был, в одежде, и вместе с пистолетом в поясной кобуре.

С этого дня их отношения начали постепенно развиваться. Они скорее напоминали дружбу, и временами Вова казалось, что Катя уже давно не прочь перевести их на новый уровень, а то и сразу на три-четыре уровня вперед. Но он боялся торопить события, и еще боялся, что неправильно понимает свою возлюбленную, и вообще он много чего боялся.

Но, тем не менее, Вова был уверен – скоро, уже очень скоро, они станут не просто друзьями. У него созрел шикарный план. Этот план Вова вынашивал целую неделю, дообрабатывал, шлифовал, доводил до совершенства. Все должно было пройти идеально, без помех и сбоев. Он знал, что у него только один шанс. Ну, так ему, во всяком случае, казалось.

Вова затеял романтический ужин под звездами. Он бы с радостью затеял его и под крышей, но под крышами они не останавливались, стараясь держаться в стороне от селений, где властвовали живые мертвецы.

Он долго готовил его. Все продумывал, выбирал подходящий момент. Понимая, что один он со столь сложным делом не справится, он привлек себе в помощь почти всю их группу.

Ему помогали кто советом, кто делом, все без исключе-

ния. Геннадий Павлович, майор, пятидесятилетний отставной военный, который и собрал всех их, одного за другим. Елена Владимировна, женщина сорока двух лет, всю свою жизнь просидевшая в какой-то конторе. И Сашка с Таней – студенты-молодожены, расписавшиеся за три дня до зомби-апокалипсиса. Все они принимали активное участие в подготовке романтического ужина под звездным небом, в ходе которого Вова должен был признаться Кате в своих высоких чувствах. Кто-то запасал еду, не просто еду, а особую, вкусную, или, как выразилась Таня – романтическую. Добыли и тайком припрятали бутылку дорогого шампанского, обзавелись хрустальными фужерами. Был уже припасен подсвечник, и свечи к нему, да не простые, а особые, ароматические. Был и столик раскладной и простенький, но роскошная скатерть должна была облагородить его подобающим образом.

В общем, все уже было готово. Оставалось только выбрать подходящую ночь. Две предыдущие ночи выдались неподходящими – пасмурные, грозящие дождем. А Вова непременно хотел, чтобы в момент его признания над их головами сияли звезды.

И вот, кажется, этой ночью условия будут что надо. На это указывал день – погожий, безоблачный, настоящий летний день. К тому же в этот день им крупно повезло – двигаясь по дороге на двух автомобилях, они наткнулись на какую-то забегаловку. Та одиноко стояла на обочине трассы, и выглядела вполне безопасно. Это, конечно, ничего не значило, ко-

варные мертвецы могли таиться внутри, поджидая добычу. А потому их коллектив, не теряя бдительности, проверил все с оружием в руках. У них уже появился какой-никакой опыт по этой части, да и спасибо стоило сказать дяде Гене, как его называли все – тот в свое время посетил несколько горячих точек, и немало знал за военное искусство.

В придорожной закуской оказалось чисто. Ни одного мертвеца. Конечно, большая часть продукции успела благополучно испортиться, из-за чего в помещении стоял тошнотворный смрад гнили, но и уцелело немало. Консервы, копченая колбаса и сыр в герметичной упаковке, а так же неисчислимое количество спиртного, в частности пива, и всевозможных закусок к нему, таких как чипсы, сухарики и соленые орешки. Это была неслыханная удача. Они, без преувеличения, сорвали джек-пот. Не то чтобы их группа голодала, питались они вполне регулярно и, можно сказать, досыта, но иметь при себе большой запас провизии все-таки было очень приятно. К тому же, теперь они могли позволить себе некоторое роскошество в трапезах, а вечером, после долгого дня, будет приятно пропустить баночку-другую пива, да под сухарики или чипсы.

Но вовсе не о пиве с чипсами думал Вова, перетаскивая коробки с трофейной едой из забегаловки в багажник их автомобиля. Его всецело занимала грядущая ночь. Было, конечно, страшно до одури, он дико боялся, что Катя не ответит ему взаимностью, или, того хуже, посмеется над его

признаниями, но он старался не думать об этом. Он решил – сегодня или никогда. Тянуть с этим и дальше было просто невыносимо. Три дня назад, под вечер, его возлюбленная решила позагорать на солнышке, с целью чего вновь облачилась в купальник и улеглась на расстеленное одеяло. От вида ее восхитительно прекрасного тела у Вовы едва не произошла гормональная катастрофа. Он представлял себе, как касается этого тела, ласкает его, как...

Представлять дальнейшее развитие событий он опасался из страха перед внеплановой остановкой сердца.

Но уже сегодня ночью его заветные мечтания могут стать явью. Сегодня! Уже сегодня!

Если это произойдет, он будет самым счастливым человеком на свете. Не на этом свете, где и людей-то, считай, не осталось, а на том, прежнем. И плевать ему на зомби-апокалипсис, плевать на погибший мир. Только бы возлюбленная Катя была с ним. За это он готов был отдать все на свете.

2

– Ненавижу! Ненавижу! Тысячу раз ненавижу!

– Ладно тебе, ничего страшного не случилось, – осторожно сказала Машка, не без опаски косясь на погрязшего в горе Цента.

– Ничего страшного? – взревел тот, яростно пуча полные злости глаза. – Если это не страшное, то что, по-твоему, страшное?

– Но ведь это всего лишь машина. Машины, они такие – иногда ломаются. Мы найдем себе другую.

Цент отмахнулся от девушки, давая ей понять, что ее слова не утешают его, а еще больше ранят сердце.

Они втроем медленно брели по пустынной трассе, палимые жарким летним солнцем. Когда-то у них был автомобиль. Отличный внедорожник, огромный, черный, с литыми хромированными дисками. В самый раз техника, чтобы перемещаться на ней крутому перцу.

Этот внедорожник верой и правдой служил им целых три дня. Когда Цент увидел его, одиноко стоящего на обочине дороги, то влюбился с первого взгляда. Он в один миг понял, что это автомобиль по нему. Они созданы друг для друга, он, и эта запредельно крутая и представительная тачка. И они должны быть вместе, не смотря ни на что.

И они были вместе. Целых три дня просуществовал их

тандем, а затем небесам было угодно разрушить его. Новенький внедорожник, ни с того, ни с сего, просто взял и заглох посреди трассы.

Цент не сразу смирился с понесенной утратой. В первое мгновение, когда смолкло несущееся из-под капота урчание мощного двигателя, он еще не осознал, какая трагедия постигла его. Тщетно, раз за разом, пытался он запустить до срока увядший мотор. Умолял его ласковым словом, нежно гладил панель и рулевое колесо, а под конец сорвался, стал требовать, угрожать расправой, кричал, что совершит доселе неслыханный акт надругательства над средством передвижения, если то немедленно не перестанет капризничать и не заведется.

Все было напрасно. Внедорожник умер. Цент пинал его ногами, призывал на его крышу гнев богов, заявлял о несправедливости судьбы, отнявшей у него едва обретенного друга. А потом понял – надо жить дальше. Стиснуть зубы, и жить. Как бы ни было больно.

Из автомобиля они забрали все, что мог унести Владик. Огромный рюкзак, сшитый для какого-то исполина титанических габаритов, набили доверху. Затем, кряхтя и надрываясь, совместно с Машкой Цент оторвал этот рюкзак от земли, и повесил его на спину программисту. Едва тяжесть ноши легла на плечи Владика, тот пожалел, что не умер вместе с внедорожником. Ноги затряслись, позвоночник скрючило. Владик почувствовал, что непомерный груз вот-вот выдавит

из него всю начинку. Он хотел сообщить о том, что ему тяжело, что эта ноша не по его субтильному тельцу, но тут Цент взял и сказал:

– Очкарик, не вздумай трясти торбу при ходьбе. Там мое пиво. Взболтаешь его, и я взболтаю твои внутренности.

На себя Цент нагрузил только небольшой рюкзак с патронами, пристегнул к поясу ножны с шашкой, а на плечо забросил дробовик. Машка тоже шла порожняком, неся за спиной меч, позаимствованный ею в музее, а на плече винтовку с оптическим прицелом. И мечом и винтовкой девушка все еще пользовалась весьма неумело, но она старалась, не ленилась учиться. Цент одобрял ее рвение, и сам иногда давал уроки, после которых бедняжка долго и безутешно плакала, наслушавшись в свой адрес таких невыносимых комплиментов, что жить не хотелось. И, тем не менее, она не сдавалась. Понимала – в новом мире нужно быть сильным и опасным, уметь убивать, уметь защищаться. Иначе можно сразу идти и вешаться. Это, по крайней мере, куда более приятный способ перебраться на тот свет, чем стать легкой добычей зомби и подвергнуться поеданию заживо.

Машка смирилась с новым миром, с новыми кошмарными реалиями, и теперь пыталась приспособиться к ним. А вот Владик, он не смирился. Не мог и не хотел сделать этого. Каждое мгновение после конца света его не оставляла надежда, что все вокруг не более чем страшный сон. Очень долгий, и очень страшный. Но ведь во сне время течет иначе.

Возможно, что на самом деле ничего ужасного не произошло, никакого зомби-апокалипсиса не было, а сам он спокойно спит в своей уютной квартире, за двумя дверями и семью замками. А все это, весь этот ужасный ужас, просто ему снится. Вероятно, он просто переиграл в какую-то игру про зомби, вот она и навеяла ему это дикое сновидение. Но волноваться не о чем. Он проснется. Обязательно проснется. Рано или поздно.

– Пиво мое не трясись! – прогремел над ухом страшный голос изверга из девяностых, а вслед за этим загредело уже в самом ухе. Оплеуха выдалась средней мощности, Владик даже на ногах устоял, но слезы из глаз брызнули.

– Я стараюсь, – пролепетал он, горбясь под тяжестью исполинского рюкзака. Он чувствовал себя Атлантом, держащим на своих плечах весь мир. И ощущение это не было ложным. Цент зачихнул в рюкзак не весь, но солидную часть этого мира. Одной тушенки банок тридцать, да пиво, да сухари. Но Владик казалось, что даже весь их запас еды не может весить так много. Рюкзак будто нагроулили свинцом.

– Как же жарко! – простонала Машка, и поглядела сквозь солнцезащитные очки на пылающий диск дневного светила.

– А в тачке кондиционер был, – сквозь зубы процедил Цент.

– Все бы сейчас отдала, чтобы нырнуть в бассейн, – призналась девушка.

– Понимаю тебя, – кивнул Цент. – Я бы тоже окунулся.

Представляешь, ныряешь в прохладную водичку, погружаешься в нее, остужаешь тело.

– Да, здорово, – мечтательно протянула Машка.

– А после вылезаете на сушу....

– И ложишься на шезлонг в тенишке, и пьешь апельсиновый сок со льдом....

– Нет! – перебил спутницу Цент. – У тебя фантазия пошла не в то горло. На самом деле вот как должно быть: вылезаете из бассейна, берешь секатор, и продолжаешь пытаться привязанного к шезлонгу жадного коммерсанта. Отрезаешь от него кусочек-другой, потом переходишь к следующему шезлонгу. Там ждет своей очереди гаишник. Секатором удаляешь ему соски, нос, уши. Гаишник орет, кровь брызжет фонтаном.... А вот после этого уже можно и сока со льдом выпить.

Слушая инквизиторские грезы Цента, Владиду в очередной раз захотелось ущипнуть себя. Вдруг хоть в этот раз сработает. Он уже щипал себя прежде. Многократно, и за разные места своего тела. Щипал и щипал, а желанное пробуждение так и не состоялось. Неужели он так и не проснется? Неужели это все явь? Цент, зомби, конец света, погребенный живо Кощей – да разве такое может быть на самом деле? Этакая жуть даже в страшном сне не привидится.

– А знаете, кого я хотел бы попытать? – спросил Цент.

Владик постарался отключить слух. Он не знал, что ужасает его больше – деяния Цента или его речи. Хотел же Вла-

дик, в данный момент, лишь одного – чтобы они скорее нашли новый автомобиль. Потому что чувствовал, да нет, не чувствовал, знал наверняка – до вечера он не протянет. Мегалитический рюкзак неминуемо сведет его в могилу. Он уже изнемог, хотя отшагал всего-то полкилометра. Но ноша эта не по нему. Да еще жара стоит такая, что пот, изливаясь с макушки, струится по всему телу зловонными ручьями, стекая в кроссовки, в которых уже хлюпают настоящие озера. Потели все, но Владик, отягощенный непосильным грузом, буквально исторгал из себя пот, и тот хлестал из каждой поры его измученного организма. Не за горами был удар – солнечный, тепловой или кулаком в ухо, если он не устоит на ногах и взболтает-таки пиво.

Страдалец полагал, что хуже уже не будет. И ошибся. Через час изнуряющего туризма по солнцепеку, они набрели на большой рейсовый автобус, что лежал на боку, наполовину перегородив дорогу своей белой тушей. Ничто не предвещало беды. Они подошли к автобусу, миновали его, и попытались направиться дальше. Внутрь не полезли – не было смысла. Все тачки на трассе давно уже обобрали такие же выжившие бродяги, как и они. А если и нет, что такого ценного они могли обнаружить в автобусе? Еды и оружия у них хватало, а холодного апельсинового сока со льдом там точно не валяется.

Едва миновали автобус, как начался кошмар и ужас. Зомби, к счастью, выдали себя злобным рычанием и шарканьем

ног по асфальту, и только по этой причине трое путников сумели спасти свои жизни. Как выяснилось, тухлая братия затаилась в кювете, а когда добыча проследовала мимо засады, попыталась напасть со спины.

– Ах вы сволочи! – орал Цент, разряжая дробовик в наступающих мертвецов. Одному снес голову, второму отстрелил руку, остальных просто наспиговал картечью. Толку от этого не было никакого. Мертвецов невозможно было убить или ранить, их можно было только уничтожить, разнеся на куски или спалив дотла. Будь тухлых монстров два-три, не составило бы труда расчленив их меткими выстрелами, но сейчас на них перла орда в два десятка голов.

– Нате! Жрите! – орал Цент, всаживая в грудь покойнику заряд картечи. Того отбросило назад, он упал на асфальт и тут же начал подниматься.

Машка, наконец, стащила с плеча винтовку, вскинула ее и выстрелила. Стреляла, не прицеливаясь, что не замедлило сказаться на результате – пуля пролетела сквозь гущу мертвецов, никого даже не зацепив.

– Ты что, нарочно? – возмутился Цент, торопливо заряжая опустошенный дробовик.

Девушка вскинула винтовку, и выстрелила повторно. Пуля продырявила голову одному наглому мертвецу средних лет, и еще троим, что двигались за ним следом. И ни один из них от этого не стал чувствовать себя хуже.

Зомби уже накатывали на них, и стало ясно – отбиться не

выйдет. Численный перевес был на стороне темных сил.

– Ноги в руки! – скомандовал Цент, и подал пример остальным, припустив вперед по трассе. Машка заспешила следом. Вместе они увидели Владика. Тот бежал далеко впереди, бежал тяжело, скорее даже быстро шел, едва не падая под тяжестью рюкзака. Он ударился в бегство, едва появились мертвецы. И не только потому, что не имел оружия. Просто один вид этих кошмарных тварей ввергал его в необоримый ужас. За три месяца он так и не сумел привыкнуть к виду сих чудовищ богомерзких.

Цент и Машка нагнали его в считанные секунды, а затем начали обгонять. Разумеется, ведь на их спинах не висел запас провизии, которого членам полярной экспедиции хватило бы на год.

– Владик, быстрее, – крикнула ему Машка, одной рукой придерживая висящую на плече винтовку, а второй рукоять меча, который при беге шлепал ей ножами по попе.

– Поднажми, очкарик! – посоветовал Цент. – Они близко. После чего оба советчика прибавили ходу, и уверенно пошли в отрыв.

Едва живой от усталости Владик оглянулся, и крик отчаяния сорвался с его пересохших губ.

Зомби настигали его, всей своей несвежей смертоносной массой. Владик увидел их оскаленные пасти, их черные провалы глаз, услышал их жуткое рычание. И в тот же миг он возлюбил жизнь. Еще недавно она была немила ему, пред-

ставлялась ночным кошмаром, из которого хочется сбежать куда угодно, хоть в посмертное небытие. Но теперь Владик понял, понял с кристальной ясностью – он не хочет умирать. Только не сегодня. А еще лучше – вообще никогда.

Руки сами ухватились за лямки рюкзака, и Владик, поднатужившись, сбросил с себя непосильную ношу. За его спиной грохнуло так, что содрогнулась земля – казалось, на drogу упал не рюкзак, а тунгусский метеорит. А Владик уже несся вперед, словно на крыльях, чувствуя необычайную легкость во всем теле. Спины его спутников маячили далеко впереди, но расстояние между ними и оставшим программистом постепенно сокращалось. А когда Владик рискнул оглянуться, то с радостью выяснил, что зомби уже прилично отстали от него.

В нем затеплилась робкая надежда, что сегодня он, возможно, не умрет. Не умрет от зубов и когтей чудовищ. Но тут же другая мысль поразила его, будто громом – он бросил рюкзак. Бросил весь запас еды. Что сделает с ним за это изверг из девяностых? А делать он мог такое, что Владик едва не развернулся и не побежал навстречу мертвецам. Потому что даже будучи пожранным ими, он бы легко отделался. Ведь Цента, да за еду.... Господи! Да за еду он бы родному брату горло перегрыз.

Окончательно оторваться от преследователей удалось нескоро. Километра три они пробежали точно, и когда стало ясно, что мертвецы больше не преследуют их, без сил попа-

дали на обочину. Цент чувствовал себя сосиской, которую сунули в микроволновку и включили таймер на три часа. Рядом, раскинув руки, лежала Машка, и жадно глотала широко раскрытым ртом горячий летний воздух.

– Сейчас Владик подтянется, – прохрипел Цент. – У него в рюкзаке пиво. Боже! Полцарства за глоток какой угодно жидкости.

Он услышал звук шагов, и понял – программист нагнал их. Не открывая глаз, Цент потребовал:

– Владик! Пива! Скорее!

Странно, но приказ почему-то не был исполнен.

– Владик! – повторил Цент. – Что ты там телишься? Я сказал – пива!

И вновь никакой реакции.

Тогда Цент открыл глаза и повернул голову. И увидел Владика. Тот стоял на коленях, тяжело и хрипло дыша. Пот капал с него градом.

Цент потер глаза. Ему на мгновение почудилось, что он не видит рюкзака за спиной программиста. Нет, не почудилось. Рюкзака действительно не было.

– Где мой запас провизии? – страшным голосом спросил Цент. – Где он, Владик? Где? Скажи мне!

Слезы хлынули из глаз страдальца, но он не сумел вымолвить ни слова. Да они и не требовались. Все и так было ясно.

Напрасно Владик пытался объяснить, что сбросил рюкзак под угрозой неминуемой смерти. Напрасно доказывал, что

не сделай он этого, то они лишились бы и рюкзака, и его самого. Напрасно Машка убеждала Цента, что у Владика не было выбора, и если бы был хоть малейший шанс спасти еду, он бы спас ее. Все было напрасно. Цент не слушал доводов, не слушал оправданий. Понеся вторую невосполнимую утрату за день, он выместил всю свою злость на несчастном программисте.

Спустя полчаса они вновь брели по дороге. Брели медленно, измученные, потные, томимые жаждой. Подвергнутый экзекуции Владик едва держался на ногах. Нет, Цент ничего не повредил ему, не травмировал, даже ни одной кости не сломал. Этот садист сделал то, что умел лучше всего – причинил ему ужасную боль. Расплачиваясь за утрату провизии, Владик сорвал голос, когда кричал от принимаемых мук. Машка вначале пыталась заступиться за него, а когда поняла всю тщетность своих усилий, отошла в сторону и закрыла ладонями уши. Но это не помогло. Она слышала все. Прежде девушка и подумать не могла, что люди способны так кричать. Казалось, демоны ада схватили Владика, и подвергли неземным терзаниям. Его крик звучал непрерывно, то чуть затихая, то вновь взрываясь особо пронзительной нотой. Владик не пытался молить о пощаде, не пытался просить прощения. Он знал – с Центом это не сработает, ибо тот был безжалостным извергом. Он просто сносил муки, которые продлились, по его ощущениям, три с половиной вечности. Он словно побывал в аду, где даже одна секунда мо-

жет показаться столетием. И ему показалось. Еще как показалось.

– Черная полоса неудач преследует нас, – промолвил Цент. – Вначале сломалась тачка, потом очкарик преступным образом лишил нас всех харчей. Что дальше? Какие еще испытания уготовили нам небеса?

– Давай надеяться на лучшее, – осторожно предложила Машка.

– Я пытаюсь, – ответил ей Цент. – Пытаюсь.

А вот Владик уже и не пытался. Пережив аттракцион боли и страданий, он лишился всякой надежды на лучшее.

Но кода впереди замаячило какое-то здание, похоже, что здание придорожной закусочной, даже программист воспрянул духом.

– Бог! Спасибо! – воскликнул Цент, обращаясь к безоблачным небесам. – Я знал, что ты меня не кинешь.

Они поспешили к харчевне, ввалились в нее, стали искать еду, питье, хоть что-нибудь. Искали, искали, и ничего не находили. Все, что им удалось обнаружить, это две бутылки минералки. Полторы бутылки выхлебал Цент, половину Машка. Владик не перепало ни капли.

– Как же так? – сокрушенно бормотал Цент, выходя из заведения. – Здесь ведь должна быть еда. Почему ничего не осталось?

– Нас кто-то опередил, – предположила Машка.

Тут Цент наклонился, и поднял что-то с асфальта. Это

был окурок. Окурок, который еще продолжал тлеть.

– Они были здесь только что, – прорычал он. – Те уроды, что забрали нашу еду, они только что были здесь.

Он отбросил окурок в сторону и вышел на дорогу. Повернулся к своим спутникам, и скомандовал:

– За мной!

– Может, отдохнем здесь? – предложила Машка. – Я так устала....

– Ты что, не понимаешь? – взорвался Цент. – Здесь нас ждала еда. Наша еда. Но кто-то забрал ее. Нашу еду! Понимаешь?

– Ну, она, как бы, не совсем наша....

Но Цент ничего не желал слушать. Иное желание охватило его. Желание кровавой мести.

– Мы настигнем их! – рычал он, ведя за собой свой измученный коллектив. – Даже если на это уйдут годы, мы настигнем их. И тогда они заплатят за свое злодеяние! За все заплатят!

3

Эта ночь выдалась идеальной для романтического ужина, Вова понял, что лучше и быть не может. Над головой, на чистом небе, пылали мириады ярких звезд, среди которых затесался острый лунный серп, изливающий на мир свой холодный серебряный свет. И Вова решился. Сегодня или никогда. Либо он сумеет завоевать сердце возлюбленной своим романтическим ужином, либо.... О том, что будет в случае неудачи, он старался не думать. Его просто не могла постигнуть неудача.

Место для романтического ужина при свечах он выбрал идеальное – на берегу небольшого озера, окруженного дубовой рощей. Пока дядя Гена и тетя Лена отвлекали Катю, он и студенты-молодожены занимались подготовкой к самому важному событию в его жизни. Накрыли стол, сервировали его в лучшем виде, зажгли свечи. Затем все вместе вернулись в лагерь. Здесь Вова, набравшись храбрости, подошел к Кате, и, заикаясь и краснея, сообщил возлюбленной, что у него имеется для нее сюрприз.

– Правда? – обрадовалась девушка. – А какой?

– Это же сюрприз, – ответил Вова. – Нельзя говорить заранее.

– А где он?

– Идем. Я покажу.

Они пересекли дубовую рощу, и вышли на берег озера. Увидев накрытый стол с горящими свечами и откупоренной бутылкой шампанского, Катя очень обрадовалась и заявила, что это ужасно мило. У Вовы камень с души упал. А он-то боялся, что девушка, узрев всю эту романтическую ерунду, посмеется над ним. Не посмеялась.

Они сидели за столом, под пылающими над ними звездами, ели, выпивали, беззаботно болтали. Вова впервые почувствовал себя раскованно и свободно рядом с возлюбленной. Язык больше не заплетался от волнения, слова не цеплялись одно за другое. Он чувствовал, что вот-вот наберется храбрости, и признается ей в своих чувствах. Надо только выпить еще бокал шампанского, а лучше два.

– Ты скучаешь по прошлой жизни? – спросила Катя. – Ну, по той, до конца света.

– Да, скучаю, – не стал врать Вова. – Тогда все было так, как должно быть. Тот мир был нашим. А этот...

Он не знал, кому принадлежит новый мир. Им ли? Но ведь они сейчас на положении крыс, что лазают по помойкам в поисках пропитания. А господствуют на планете иные существа, те, что прежде были людьми, но перестали быть ими раз и навсегда.

– Я тоже скучала, – сообщила Катя. – Поначалу. Теперь уже меньше. Раньше, конечно, было лучше. Было больше всего. Ну, ты понимаешь.

– Понимаю.

– А теперь.... Даже не знаю, как сказать. Стало проще, что ли.

– Проще? – удивился Вова.

– Ну, да. Проще. Ты ничего никому не должен. Не надо ни учиться, ни работать. Да вообще ничего не надо. Можно делать все, что захочется, не оглядываясь на последствия.

Последние слова она произнесла таким тоном, что Вова закипел в зоне бикини. Это был не просто намек. Это было сказанное почти прямым текстом предложение перестать болтать и переходить к делу. Притом речь шла отнюдь не о его глупом подростковом признании в любви. Катя явно намекала на кое-что другое. Кое-что более взрослое. Идя сюда, она явно рассчитывала не только на ужин.

Вова уже открыл рот, чтобы на одном дыхании выпалить те самые заветные слова, которые твердил про себя последний месяц, но внезапно в нос ему ударил отвратительный запах ядреного пота. Вова показалось, что его засунули в подмышку, не знавшую мытья долгие месяцы. Катя тоже почувствовала этот смрад, и невольно зажала пальцами носик.

– Что это такое? – простонала она. – Откуда эта вонь?

Вова не успел ничего ответить, потому что увидел кое-что за спиной своей возлюбленной. Две зловещие черные фигуры. Одну небольшую и субтильную, над головой которой Вова померещился нимб профессионального стратотерпца. Вторую огромную и широкоплечую. Над ее головой Вова тоже кое-что померещилось. Но не нимб. Скорее – рога.

– На что ты смотришь? – встревожившись, спросила Катя, которую откровенно испугало выражение лица ее кавалера.

Она попыталась обернуться, но не успела. Что-то огромное, черное и жутко злое налетело на нее, и отшвырнуло в сторону вместе со стулом. Вова попытался вскочить на ноги, но те его не слушались. Ужас объял паренька, когда в свете звезд он узрел чудовище, прервавшее их романтический ужин.

То был библейский зверь о семи ходках и одиннадцати наколках, огромный, жуткий, бородатый, чьи очи сверкали inferнальным огнем. За его спиной маячил еще один персонаж из святого писания – жертвенный агнец. Именно от этого агнца и несло потом, притом так мощно, будто на этом агнце вспахали три поля, а душ принять не позволили.

– Мою еду жрете! – взревел зверь, и обрушил на стол свой пудовый кулак. Столик не выдержал этого, и рассыпался на куски. Тарелки, фужеры и подсвечник упали на песок. Бутылке шампанского зверь упасть не дал – поймал ее на лету, и тут же присосался к емкости, жадно поглощая напиток. Вылакал все до капли, отбросил тару в сторону, и громко рыгнул.

– Помогите! – пронзительно закричала Катя. – Спасите! На нас напали злодеи!

– Злодеи? – взревел зверь, и схватил девушку за волосы. Та завизжала, пытаясь вырвать свою гриву из пальцев монстра.

– Это мы-то злодеи? – гремел голос зверя. – Мы? А кто чужую еду забрал? Кто жрал ее цинично и бессовестно, не опасаясь заслуженной кары? Мы, что ли?

Вова вновь попытался встать на ноги и защитить свою возлюбленную от этого чудовища, явившегося из ночной тьмы, и вновь не сумел. Его парализовал ужас. Он даже забыл о том, что на его поясе висит кобура, а в ней пистолет.

– Очкарик, иди и полюбуйся на этих бессовестных негодяев! – потребовал зверь.

Жертвенный агнец приблизился и робко встал рядом со зверем. В его очах Вова увидел невыразимую муку. Походило на то, что агнца сегодня уже успели основательно принести в жертву.

– Как вам моя тушенка? – рычал зверь, продолжая дергать за волосы визжащую Катю. – Как мои сухарики? Вкусные, а? Питательные? Славно, небось, попиrowали чужими-то харчами?

Владик стоял рядом с Центом, и старался не смотреть на творимую им расправу. Ему было жалко этих людей. Правда, жалко. Но он понимал – извергу из девяностых просто необходимо на ком-то сорвать зло. Либо на орехи перепадет этим незнакомцам, либо отдуваться придется ему. Владик сегодня уже получил порцию адских процедур, и добавки ему не хотелось. Поэтому он даже не пытался вмешаться в творимый Центом беспредел. Пусть делает все, что угодно, лишь бы больше не подвергал его мучениям.

– А ты что сидишь? – рявкнул Цент, обращаясь к Вове. – Столько моей тушенки съел, что встать не можешь?

Он подскочил к парню, волоча за собой кричащую Катю, и двинул Вове кулаком по лицу. Того как ветром сдуло со стула. Он растянулся на песке, находясь в шаге от нокаута. Чувствовал себя так, будто его ударили пудовой кувалдой. Показалось, что сломано все лицо, и не только оно.

– Что, думали, раз на дворе зомби-апокалипсис, так и управы на вас больше нет? – бушевал Цент. Он взмахнул рукой, легко оторвав визжащую девушку от земли.

– А управа-то есть! – рявкнул он, и швырнул Катю на песок. Та упала рядом со своим кавалером, и тут же попыталась сбежать. Не вышло. Цент настиг ее, и вновь схватил за волосы.

– Расправа грядет! – кричал Цент. – Владик, неси пилу! Неси топор! Неси секатор!

– Спасите! – вопила девушка.

– Поздно думать о спасении, – огорчил ее Цент. – Заботилась бы о спасении души, не стала бы жрать мою тушенку.

В этот момент Цент заметил в роще свет фонариков. Кто-то приближался к ним. Не выпуская волосы пленницы, он потащил из кобуры пистолет.

– А вот и подельники ваши пожаловали! – расплылся он в людоедской ухмылке. – Вот тут-то я вас всех оптом и умучаю.

Первой на берег выскочила тетя Лена с пистолетом в руке.

– Отпусти ее! – визгливо закричала она. – От....

Выстрела Владик не услышал – Машка залегла довольно далеко, и хор голосов заглушил его. Зато увидел результат. Женщину, которая наставила на Цента пистолет, отбросило назад, и она рухнула на песок. Владик видел капли крови и осколки черепа, разлетевшиеся в стороны от ее головы.

Остальные члены группы, как раз пожаловавшие на берег, в страхе остановились.

– Стволы на землю, руки кверху, – хриплым уголовным голосом приказал им Цент, поигрывая пистолетом. – Дернитесь, вас всех перещелкают, как эту вот курицу.

И он указал пистолетом на труп женщины.

– У меня четыре снайпера в засаде, – добавил Цент. – А у пятого базука. Скоро подъедут шестой и седьмой, у них вообще миномет. Стволы на землю, гады! Повторять не буду.

Оружие упало на песок, а руки поднялись к звездному небу. Цент довольно улыбнулся, пройдясь взглядом по злостным расхитителям чужих припасов. Старый хрыч, парень с девкой, оба тощие и трусливые. Ну и еще эта парочка, затеявшая поздний ужин на берегу озера. Как будто никто не говорил им, что жрать по ночам не к добру. Особенно чужие продукты.

Еще одна расхитительница припасов валялась на песке и медленно остывала. Машка в кой-то веки выстрелила на пять с плюсом, попав отменно, в голову. Хорошо бы девка наловчилась стрелять так же метко всегда, а не раз в месяц.

Стоило вспомнить о ней, как Машка появилась сама.

– Кого я убила? – выпрашивала она. – Мертвеца? Разбойника?

– Ты убила тетю Лену! – завопила Катя, которую Цент продолжал держать за шевелюру. – Злодейка!

Машка увидела свою добычу, и винтовка выпала из ее рук. По щекам покатились слезы раскаяния.

– Я не хотела! – закричала она. – Боже! Я думала, она пытается убить моих друзей.

– Она и пыталась, – сообщил Цент. – Ты все правильно сделала, тебе не в чем себя винить. Очкарик!

– Да! – подпрыгнул Владик.

– А вот ты виновен, не забывай об этом. А теперь пробегись, собери оружие этих олухов, и сложи его рядом со мной.

Владик все исполнил, стараясь не встречаться взглядом с несчастными людьми, которым крупно не повезло в жизни – судьба свела их с Центом.

– Простите меня, – умоляла Машка.

– Да они простили, простили, – заверил ее Цент. – Простили же?

По виду пленников нельзя было сказать, что простили.

– Ну, что, на коленях что ли извиняться? – возмутился Цент, поражаясь вопиющей злопамятности этих нехристей. – Ладно, хорошо. Ну-ка живо на колени!

Пленники дружно исполнили приказ.

– Машка, извинись перед ними на коленях, и закроем те-

му, – сказал он девушке. – Владик. Дуй вон туда, где горит костер. Там их лагерь. Поищи веревку, или изоленту, если ничего не найдешь, тащи хоть ремни безопасности. Ну, что стоишь? Исполни!

Владик сорвался с места и побежал через рощу.

– Как мне теперь с этим жить? – глотая слезы, спросила Машка, стараясь не смотреть на тело, распростертое на песке.

– А ты делай как я, – посоветовал Цент.

– Как?

– Не парься.

– Но я же убила человека.

– И правильно сделала, иначе эта баба убила бы Владика или меня. Ну, Владика бы ладно, его, откровенно говоря, с каждым днем все более не жалко. Но вот меня убивать никак нельзя. Мы же одна команда, ты, я и еще этот, прыщавый. Фактически семья. А они чужаки. Враги. Еще, чего доброго, выяснится, что промышляют каннибализмом. После того, как они похитили харчи, предназначенные мне самим небом, я уже ничему не удивлюсь.

4

В эту ночь Цент спал как младенец. Ну, такой себе младенец, весом семь пудов, со зверской рожей, тюремными татуировками по всему телу и кулаками, способными отправить на тот свет любое живое существо. И все же спал он так, будто ангелы спустились на землю и спели ему небесную колыбельную.

А все потому, что впервые за сегодняшний черный день у Цента было легко и спокойно на душе. Хоть денек и начался скверно, кончился он вполне себе хэппи-эндом. Он настиг злодеев, пленил их, и спас большую часть провизии. Не все, конечно, кое-что эти бессовестные личности успели затолкать в свои не знающие стыда утробы. Думали, видимо, что запихали и с концами. Плохо же они знали Цента. Точнее говоря, они его еще совсем не знали. Но скоро узнают. Он об этом позаботится.

Всех пленников Цент привязал к деревьям на берегу озера, и оставил сушиться до утра. Привязал надежно, качественно, но все же оставил им сторожа – Владика. Тому, после потери рюкзака с тушенкой и пивом, сон не полагался. Ему, по-хорошему, и жизнь-то не полагалась, но Цент, заполучив сразу два трофейных автомобиля и целую кучу вкусной еды, подобрел и на радостях помиловал программиста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.